
Ольга Брюс
Малая родина - 2
18+

Ольга Брюс

Малая родина - 2

«Автор»
2026

Брюс О.

Малая родина - 2 / О. Брюс — «Автор», 2026

Чужаки подбираются к дому – и Марина с дочерью спасаются бегством. Муж не идёт с ними: его долг – спасти больную мать. Разлука становится первым испытанием. Впереди – дорога, полная опасностей, и борьба за новую жизнь. История о семье, долге и выборе...

© Брюс О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Они скоро будут здесь 5
Глава 2. Дорога в никуда 8
Глава 3. Оставь меня, но обещай вернуться 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Ольга Брюс
Малая родина - 2

Глава 1. Они скоро будут здесь

— Ну, чего вы копаетесь? Они скоро будут здесь!

Сергей, широкоплечий, черноглазый, как и подобает истинному главе большого южного семейства, мужчина, тяжелым шагом прошёлся по комнате и в очередной раз посмотрел на свои электронные часы. Зеленоватые цифры на маленьком узком экране с тревогой отсчитывали секунды. По посёлку ещё с утра прошёл тревожный слух: людей с оружием видели всего в каких-то трёх километрах, у старой переправы. Это означало только одно — время на раздумья вышло. Выбор оставался небольшой: либо запереть калитку на засов и держать оборону собственного дома, либо бросать всё, нажитое годами, и бежать.

Вот только держать оборону — это совсем не про Сергея. Он был мастером в другом: подвязать виноград, выгнать доброе терпкое вино, накрыть на стол гостям так, чтобы ноги подкашивались от изобилия, и досыта накормить любого уставшего путника, заглянувшего на огонёк. Это всё про Сергея. А вот стоять с отцовским двуствольным ружьём против озлобленных людей с автоматическим оружием — нет, к такому его жизнь не готовила.

Марина, жена Сергея, русоволосая, стройная женщина с мятно-зелёными глазами, в это же время пребывала в полном замешательстве. Она, кажется, ещё до конца не понимала: в любую минуту в их дубовую дверь может раздаться оглушительный стук. И если не открыть сразу — дверь просто вышибут ногами. В последние дни жизнь в этих краях стала настолько дешёвой, что любой бандит с автоматом на плече сам наделял себя правом лишать её кого угодно, без суда и следствия.

— Сергей… — еле слышно позвала мужа Марина, застыв посреди кухни с вафельным полотенцем в руках. — А может… они успеют?

— Кто успеет? — уточнил Сергей, не прерывая лихорадочной укладки вещей.

— Ну… наши… — неуверенно прошептала Марина.

Сергей повернул лицо к жене. Густые брови его были нахмурены, а на лбу залегла глубокая складка.

— Куда они успеют, Мариша? Они держат оборону с востока, за рекой. Если они оттуда уйдут хоть на полчаса, мы тут все и часа не протянем. Ты разве не слышала? Час назад из пушек били так, что в погребе банки с огурцами подпрыгивали! И вообще, хватит припираться. Лучше собери чего-нибудь съестного. Нас ждёт очень долгая дорога.

Венера, дочь Сергея, похожая на отца как две капли воды — те же карие с искоркой глаза, тот же упрямый подбородок, — в силу своей молодости и неполного понимания происходящего бросилась выполнять поручения отца вместо растерявшейся матери. Ей даже казалось, что это всё — эдакое опасное, но жутко интересное приключение. Девушка влетела в кухню с потёртым армейским вещмешком и принялась задорно забрасывать в него всё, что можно было пожевать в пути: краюху домашнего хлеба, кусок овечьего сыра, горсть сушёных фруктов да пару банок тушёнки.

— О, вот и мамины сушёные груши пригодились! — вполголоса хмыкнула Венера, приминая содержимое мешка ладонью. — На один зубок, конечно, но в дороге всё сгодится.

— Я тоже еду с вами? — внезапно послышался из соседней комнаты глуховатый голос Нины Сергеевны, неходячей матери Сергея.

Это была грузная женщина с невероятно густыми бровями и пышными волосами, почти не тронутыми сединой, несмотря на солидный возраст.

— Мама, ну конечно ты едешь с нами! — заворчал Сергей, мгновенно очутившись у её кровати. — Что за глупости? Я же не оставлю тебя этим варварам!

— Серёжа, но ведь я буду только мешать, — вздохнула Нина Сергеевна, пытаясь расправить складки на своём безразмерном халате. — Посмотри на меня, какая из меня путешественница? Давай я останусь. Они не тронут бабку. А вы потом за мной вернётесь. Когда всё утихнет… Когда всё наладится… Оставьте только еды немного. И воды.

Сергей подошёл к матери вплотную, тяжело опустился перед её креслом на корточки и бережно взял в свою широкую ладонь её отёкшую, тёплую руку.

— Мам, ты едешь с нами. И это не обсуждается. Я не то что машину вести — я дышать спокойно не смогу, если буду знать, что оставил тебя здесь одну.

— Но меня никто не тронет… — стояла на своём Нина Сергеевна, мягко поглаживая сына по плечу.

— Мам, сейчас никто не смотрит на старость. И на то, что ты инвалид, никто не посмотрит. Они сейчас озлоблены, как никогда. Ты слышала вообще, что с нашими делают в городах?

Нина Сергеевна ничего этого не слышала. И не понимала. Да и не поверила бы, если бы услышала собственными ушами. Она знала совсем другую жизнь — ту, где в их посёлке люди жили десятилетиями, вообще не закрывая дверей на замки, а калитку разве что подпирали деревянным колышком, чтобы соседские козы не зашли. Она помнила жизнь, где соседи общались, делились последней чашкой чая и никогда не смотрели на происхождение или вероисповедание друг друга. Все понимали соседскую душу с полуслова и с глубоким уважением относились к любым различиям.

Но сейчас Нина Сергеевна просто замолкла, глядя на суетящуюся семью. И почему сейчас, в одночасье, все вокруг будто разом озверели?

Печальные раздумья Нины Сергеевны прервала внучка.

— Бабушка, миленькая, ну пожалуйста! — взмолилась Венера, опускаясь на колени прямо перед старым креслом бабушки и сжимая её короткие пальцы. — Мы же без тебя всё равно никуда не поедем. Ни я, ни папа, ни мама!

Девушка с надеждой обернулась к матери, ища поддержки. Но Марина лишь быстро отвернулась, делая вид, что страшно занята своими раздумьями. Свекровь она, конечно, не ненавидела, но глубокой, душевной близости между ними никогда не было. Слишком уж разными они были: тихая, воспитанная по-городскому Марина и шумная, своенравная Нина Сергеевна, привыкшая вести всё домашнее хозяйство твёрдой рукой.

Нина Сергеевна посмотрела на заплаканные глаза внучки, тяжело вздохнула и только махнула рукой.

— Ладно уж, наказание вы моё… — с трудом выдавила она из себя, пытаясь усесться поудобнее. — Помогите мне одеться тогда! Ну?! Чего стоите?

Через каких-то пятнадцать-двадцать минут всё семейство уже было на улице. Воздух во дворе был прохладным, с гор слегка тянуло гарью, а вокруг пока ещё пахло привычным домашним дымком. Сергей заправлял свою старенькую «Ниву» — тёмно-зелёную, немного помятую по бокам, но всё ещё надёжную и безотказную, как армейский танк. Он до последней капли сцедил в бак топливо из ведра, залив полный бак, а сверху в багажник закинул ещё и пузатую двадцатилитровую канистру.

Самым сложным испытанием оказалось довести до машины Нину Сергеевну. Женщина она была солидная, грузная, а ноги после прошлого инсульта слушались её через раз. Самостоятельно она практически не ходила.

— Эх, взяли! Ещё раз взяли! — кряхтел Сергей, подставляя матери своё мощное плечо.

С другой стороны бабушку подпирала Венера. Картина маслом: двое тащат, а Нина Сергеевна, едва передвигая ноги и шоркая калошами по гравию, ещё успевала ворчать:

— Серёжа, ты меня не на забой везёшь, не тяни так за руку — не мешок с картошкой!

Марина распахнула пассажирскую дверцу «Нивы» и придерживала её, чтобы та случайно не захлопнулась от порыва ветра. Через минуту Нина Сергеевна уже благополучно разместилась сзади на протёртом дерматиновом сиденье. Рядом, мгновенно заскочив в салон, сжалась и нахохлилась, словно испуганный мокрый цыплёнок, её внучка Венера. Девушка всем телом прижалась к мягкому бабушкиному боку. От Нины Сергеевны привычно пахло сушёными травами, валидолом и старой шерстяной кофтой. Венере стало так спокойно и уютно. На какое-то короткое мгновение она даже забыла, что их семье угрожает смертельная опасность.

— Поехали уже?! — поторопила Сергея жена Марина, которая к этому моменту окончательно пришла в себя. Растерянность с неё как рукой сняло, уступив место обычной женской практичности.

Она ловко забросила в багажник машины последнюю сумку со съестным в дорогу. Мужчина разместил рядом небольшую полиэтиленовую канистру с питьевой водой, плотно закрутив крышку.

Марина села в машину, а Сергей вдруг замер и повернулся к дому, который словно смотрел на него своими грустными окнами-глазницами.

— Я сейчас, — еле слышно прошептал Сергей своим и пошёл обратно к дому.

Неторопливым, нетипичным для всей этой суматохи шагом он обошёл его вокруг. Ещё раз погладил рукой шершавую штукатурку на углу, посмотрел на свой участок, оглядел аккуратные ряды любимых виноградников, свои хозяйственные постройки. Лозы, подвязанные его собственными руками, всё ещё хранили тепло осеннего солнца. Вот под навесом стоит дубовая бочка, в которой дозревает свежее вино…

В этот момент он думал, что оставляет всё это ненадолго. Ну, на неделю, максимум на две. Ему казалось, что совсем скоро придут наши ребята из отряда и снова вытеснят чужаков из посёлка. И тогда всем можно будет вернуться назад, к привычным делам.

Сергей тяжело вздохнул и пошёл к машине. В тот момент он не понимал ещё всей глубины наступающей катастрофы. Не осознавал, что всё, что творилось вокруг — это всерьёз и надолго. И что в тот, прежний мир, в котором были яркие солнечные дни, ароматный виноград, рубиновое вино, и когда собирались с соседями за большим столом и пели душевные песни — ничего этого уже не будет.

Сергей сел в машину, завёл двигатель. Тот бойко затарахтел под капотом, и повёз всех самых близких ему людей в совершенно другую, незнакомую жизнь, из которой пути назад, увы, уже не будет.

Глава 2. Дорога в никуда

— Серёжа, ты починил машину? Ты собирался чинить машину на прошлой неделе? — испуганно спрашивала Марина у мужа, сидя на переднем пассажирском и глядя в окно.

— Нет. Не успел, — буркнул Сергей, резко выруливая, объезжая ямы и кочки неказистой дороги. — Всё как-то навалилось…

Под днищем что-то сухо и протяжно лязгнуло. Правая передняя стойка на каждой выбоине отзывалась болезненным металлическим стоном.

— Не успел он… — едва слышно прошептала Марина, прижимая к груди сумочку со всеми семейными паспортами и скромными заначками. — Стойка отвалится, Серёж. Посреди поля встанем.

— Не каркай под руку, мать! — огрызнулся Сергей, хотя у самого на душе было не менее тревожно. — Не отвалится. На проволоке доедет, если надо будет.

Всё действительно разом навалилось, так стремительно и неумолимо, что прошлая мирная жизнь с её дурацкими спорами и мелочными заботами казалась теперь такой далёкой и нереальной. Все мужчины в округе на неделе не раз собирались вместе. С утра до ночи они объезжали близлежащие дороги, валили деревья, стаскивали бетонные блоки, засыпали сухими ветками и комьями глины выезды, чтобы по ним не могла пройти тяжёлая техника. Руки у Сергея до сих пор ныли от топора и лопаты, а ссадины на ладонях пощипывали от въевшейся дорожной пыли.

Не заваленной осталась лишь одна дорога — та самая, разбитая грузовиками колея через овраг, по которой Сергей и покинул село. Собственно, все, кто в эти дни всё-таки решился бросить нажитое и покинуть дома, пользовались только этой дорогой. Другого выхода просто не оставалось.

Путь Сергея и его семейства лежал через другие, соседние сёла. Вернее, через то, что от них осталось. Разграбленные, обугленные, с распахнутыми настежь воротами, они походили на брошенные в панике селения из фильмов про войну.

Венера смотрела на эту картину, сжавшись в комок на заднем сиденье, и холодный ужас медленно закрадывался в голову молодой девушке, которая никогда в своей жизни не видела ничего подобного. Ей казалось, что всё это бывает где-то в телевизоре, на уроках истории или в дедовских рассказах. А здесь всё было так реально: пыль, запах гари и жуткая, неестественная пустота. Дома рядами стояли брошенными: люди думали лишь о том, как поскорее вывезти семью, спасти детей и стариков.

Никто не брал с собой много добра. Все знали: часть пути лежала через крутые горы и узкие каменистые ущелья. Местные шептались, что перевал забит обвалами, и где-то неизбежно придётся спе́шиться, бросить технику. А если так, то всё барахло, увязанное на крышах, останется гнить на камнях навсегда. Поэтому люди предпочитали оставлять всё нажитое в домах. Брали только документы, тёплые вещи да самое дорогое сердцу. Марина вот схватила альбом с детскими фотографиями Венеры и свою любимую старую чугунную сковородку — Сергей ещё нервно усмехнулся у порога: мол, от пуль отбиваться будешь? А Марина заплакала: «Она от мамы осталась, Серёж, на ней блины никогда не пригорают…».

В брошенном, разоренном состоянии здесь были целые посёлки.

Это были поселения, которые за последние недели то и дело переходили из рук в руки. Местные ребята, объединившись в отряды самообороны — кто с дедовской двустволкой, кто с чудом раздобытым карабином, — не раз отбивали улицы у вооружённых чужаков. Но те отступали, собирались с новыми силами и вновь накатывали темной волной, забирая всё силой и злобой. Мирным жителям оставаться в таких местах было смерти подобно.

Соседи рассказывали жуткие вещи: многие своими глазами видели, как пришлые ребята — молодые парни с пустыми, остекленевшими глазами, словно просто из глупого баловства или со скуки, — выпускали длинные автоматные очереди прямо в сторону жилых домов. Пули в щепки разносили завалинки, визжали по шиферу крыш. Благо, те, кто ещё оставался, уже не жили в домах — они сидели в тёмных, сырых погребах в обнимку с банками прошлогодних огурцов. Бывали случаи и похуже: шальной снаряд от миномёта прилетал прямо в огород, разнося к чертям собачьим парники и грядки.

Но самым страшным было другое: Сергей не мог знать наверняка, кто контролировал тот маршрут, по которому он вёл машину в эту самую секунду. Вчера тут стояли свои, а сегодня? Дорога петляла вдоль оврага, заросшего густым кустарником. За каждым слепым поворотом их мог ждать вооружённый патруль чужаков, который с лёгкостью наделял себя правом вершить собственное «правосудие» прямо у обочины, без суда, следствия и лишних вопросов.

В машине всё это время висела тяжелая, пугающая тишина, прерываемая лишь сухим кашлем мотора.

Вдруг сзади что-то глухо бухнуло. Звук пришел издалека, со стороны холмов — тяжёлый, раскатистый, дрожью отозвавшийся в стёклах.

— Что это за звуки, Серёж? — вдруг подала слабый голос Нина Сергеевна, задремавшая было на заднем сиденье.

Венера мгновенно встрепенулась, переглянулась с матерью в зеркале заднего вида и ласково, но поспешно погладила плечо старушки:

— Это гром, бабушка. Гром! Дождь, наверное, собирается. Вон тучи какие ходят.

Они в который уже раз обманывали бабушку. Все эти дни, когда за горой методично и страшно грохотало и земля ходила ходуном, родные твердили ей про гром, про грозы — про всё что угодно, лишь бы старое сердце не прихватило прямо на месте. Нина Сергеевна была подслеповата, плохо слышала и искренне не понимала, зачем вообще нужно было в спешке бросать родной дом, огород и её любимых курочек. Родные берегли её покой и многого не рассказывали. Поэтому и сейчас бабушка только недовольно поджала губы:

— Ишь ты, гром… Говорила я отцу: виноград надо прятать! Побьёт градом-то всю завязь. И куда мы средь бела дня подорвались? Всё ведь не так плохо, тихо же сидели, чай пили…

Марина на переднем сиденье тихо всхлипнула, но тут же сделала вид, что закашлялась, прикрыв лицо рукой.

Сергей ничего не ответил. Он даже не повернул головы. Его побелевшие пальцы намертво вцепились в руль. Глаза, воспаленные от бессонницы, напряжённо всматривались в серую ленту дороги, выискивая малейшее движение среди кустов. Он боялся увидеть людей с оружием больше всего на свете — потому что издали никогда не разберешь, свои это или чужие, а пуля разбираться не станет.

Несколько других машин с такими же беженцами, которых их семейство обогнало ещё на выезде из села, давно остались где-то далеко позади. Те ехали медленно, прижимаясь к обочинам, боязливо притормаживая перед каждым мостиком и кустом. Люди надеялись, что если ползти незаметно, их пронесет. Сергей же упрямо считал иначе. Он знал эту местность как свои пять пальцев: на открытом пространстве медлить нельзя. Ползти черепахой — верная погибель для всех, кто сидит в салоне. Нужно жать на газ, пока крутятся старые колёса, пока жива машина, пока судьба дает им этот крошечный, призрачный шанс проскочить в горы.

В какой-то момент за очередным крутым поворотом дороги Сергей резко ударил по тормозам: впереди, прямо на сером гравии, темнело непонятное расплывчатое пятно. С более близкого расстояния стало понятно, что это группа людей. Услышав надрывный вой мотора, они мгновенно оживились, повскакивали с обочины, засуетились, как потревоженные осы.

— Это… наши? — неуверенно спросила Марина, щурясь и изо всех сил вглядываясь в колышущиеся на расстоянии силуэты. Сердце у неё колотилось в бешеном ритме, мешая нормально вздохнуть.

— Да кто же сейчас разберёт, где наши, где не наши? — буркнул Сергей, тоже подавшись вперед всем корпусом и вцепившись пальцами в баранку ещё сильнее.

— Папа, они, кажется, в форме… — негромко и очень осторожно сказала со своего сиденья Венера. Зрение у молодой девушки было куда острее, чем у уставших, измученных бессонницей родителей. — В одинаковой. И каски у них…

И тогда Сергей резко крутанул руль вправо. Потому что «наши» — местные мужики-горцы, были одеты кто во что горазд. Никакой одинаковой формы у них отродясь не водилось. Если же Венера не ошиблась и на дороге действительно стояли люди в армейском обмундировании, семейству при встрече с ними не поздоровилось бы точно.

Сергей вдавил педаль в пол и пустил резвую «Ниву» прямо по глухому бездорожью, срезая путь через бугристую поляну.

Люди на дороге в ту же секунду засуетились, яростно заверещали что-то гортанное на своём языке и толпой бросились наперерез, прямо за машиной. Выглядело это жутко и даже как-то нелепо: здоровенные мужики с оружием бежали по кочкам, словно искренне надеялись догнать старенький советский внедорожник на своих двоих.

Но бежали они недолго. В какой-то момент за спиной застрекотали автоматные очереди. Пули взвизгнули где-то над крышей.

— Теперь точно не наши! — в сердцах выругался Сергей.

Он продолжал остервенело гнать машину вперед, не разбирая пути. «Нива» скакала по каменистым буеракам и кочкам так, что всё семейство с криками подпрыгивало чуть ли не до самого потолка салона. Нина Сергеевна на заднем сиденье только охнула, вцепившись обеими руками в свой узелок с вещами.

Благо, гористая, изрезанная оврагами местность не позволила пришельцам вести прицельный огонь: камни, холмики и дикий кустарник вскоре уже скрывали машину. Ловко вильнув между двумя валунами, Сергей благополучно ушёл с линии обстрела и скрылся за ближайшей высокой сопкой. Стрельба позади заглохла, утонув в гуле двигателя.

— Сергей, потише, Господи, не гони так! — в панике закричала Марина, хватаясь за ручку обеими руками. На лбу её выступили блестящие капли холодного пота. — Ты нас погубишь! Мы же перевернемся сейчас к чёртовой матери на этих камнях!

— Они могут пешком по сопке срезать и идти следом за нами! — не унимался Сергей, тяжело и прерывисто дыша. — Нам нужно хорошо оторваться, выскочить к верхнему тракту, потом поедем медленнее! Сейчас секунда промедления — и всё, отпели!

Дорога тем временем окончательно растворилась среди диких зарослей и всё меньше походила на путь, предназначенный для транспорта. Под колёсами зашуршал мокрый галечник — машина чуть было не села брюхом в илистый горный ручей и с рёвом выплюнула фонтаны грязной жижи из-под колёс. А сразу за ручьём проезд наглухо перегородила огромная свалка из сухих коряг и переплетенных веток.

По-хорошему, Сергею бы заглушить мотор, выскочить и растащить хотя бы верхушки кучи руками. Но нервы были на пределе, терять драгоценные минуты он панически боялся, да и слишком уж слепо понадеялся на хваленую проходимость и железный характер своей рабочей лошадки.

— Держитесь! Проскочим! — крикнул он и погнал машину напролом.

«Нива» с треском подмяла под себя сучья, но в ту же долю секунды под днищем раздался сухой резкий хлопок, за которым последовал протяжный, ядовитый, шипящий звук.

Руль с нечеловеческой силой выбило у Сергея из ладоней. Машину резко рвануло вправо, перед задрало, а затем оба передних колеса с глухим стуком ухнули в скрытую под буреломом

глубокую промоину. Мотор натужно взревел, взвыла раздатка, колёса бессильно крутанулись, выбрасывая ошмётки коры и глины, но «Нива» замерла мёртво, будто вросла в каменистую землю.

Сергей заглушил закипающий двигатель. В салоне повисла тишина.

С яростными ругательствами на своём родном диалекте — поминая всех чертей и собственную глупость, — Сергей вывалился из водительской двери, чтобы оценить масштабы бедствия. Взглянул вниз — и сердце оборвалось.

Оба передних колеса были распороты в лохмотья. Даже если бы Сергей каким-то чудом исхитрился поддомкратить машину в этой жиже, запасное колесо у него было всего одно.

Тут же под сломанными ветками блеснуло железо. Сергей нагнулся и вытащил причину их внезапной катастрофы: толстую доску, густо утыканную огромными коваными гвоздями-сотками, торчавшими остриём вверх. Ту самую «ловушку», каких они с сельскими мужиками собственноручно сколотили не меньше сотни штук всего три дня назад, чтобы баррикадировать проезды от чужой техники. Сами сделали на совесть, намертво — сами же на неё и напоролись. Горькая, убийственная ирония судьбы.

Сергей поднял проклятую доску обеими руками и с глухим рычанием, полным отчаяния и злобы, швырнул её далеко в заросли кустарника.

Окно со стороны пассажира плавно опустилось. Из него выглянула Марина. Лицо её вдруг сделалось абсолютно белым, а голос зазвучал пугающе, неестественно спокойно:

— Что будем делать?

— Не знаю, — так же тихо, сквозь зубы ответил Сергей. Он упёр руки в бока и уставился на распоротую резину. — Машина дальше не поедет. Приехали.

— Идём пешком? — всё с тем же спокойствием продолжала Марина, глядя на крутой каменистый склон впереди, уходящий в сизый туман перевала.

Сергей медленно поднял глаза и сквозь пыльное боковое стекло посмотрел в салон.

Там, кротко сложив на коленях опухшие руки, сидела Нина Сергеевна. Грузная больная женщина, которая уже много лет не перемещалась своим ходом. Для нее даже подняться на три ступеньки крыльца было целым подвигом, требующим десяти минут отдыха.

Пешком через горы. С бабушкой.

Сергей понимал: автоматчики, оставшиеся у дороги, не бросят погоню так просто. Если они пойдут по свежим следам протектора, то окажутся здесь через полчаса, максимум через сорок минут. Времени не было совсем.

Нужно было прямо сейчас принимать решение. И Сергей прекрасно понимал: простым и милосердным для всех оно не будет.

Глава 3. Оставь меня, но обещай вернуться

— Серёж, ты устал, тебе надо отдохнуть! — донесся прямо в самое ухо дрожащий голос Нины Сергеевны.

— Нет, мам, только не сейчас, — выдохнул Сергей сквозь зубы, с хрипом втягивая обжигающий горный воздух. — Я чувствую... я слышу, они идут за нами.

Сергей и вправду это чувствовал — каждой натянутой жилой в гудящем позвоночнике, каждым волоском на взмокшем затылке. В тот момент он остался единственной защитой, единственной опорой для троих беззащитных женщин. И в нём как будто проснулись древние волчьи инстинкты: он кожей ощущал дыхание охотников, идущих по пятам среди редкого кустарника и каменных осыпей. Он чуял их присутствие, слышал шорох осыпающегося гравия где-то далеко позади. А он, как не сдающийся вожак стаи, упрямо уводил своё семейство путаными звериными тропами всё дальше и выше в горы.

— Давай я попробую идти сама, — стояла на своём Нина Сергеевна. — Я смогу, сынок, я справлюсь. Это будет медленно, но ты хотя бы отдохнешь немного. Нельзя же так надрываться...

Сергей подчинился. Не потому, что был настолько наивен и поверил, будто годами не ходившая дальше родного крыльца мать вдруг встанет и бодро зашагает по крутому склону. Он просто смертельно устал. Колени подрагивали, в пояснице стреляло, в икрах играли судороги, а перед глазами плавали мутные серые круги.

Венера, заметив, как отец опасно покачнулся, моментально подскочила ближе. Поняв, что бабушка сейчас может просто грохнуться на камни со всеми вытекающими последствиями, девушка быстро подхватила её под локоть.

Сергей, который до этого нёс Нину Сергеевну на спине, собрал последние силы и медленно, бережно опустил её на землю, дав возможность пойти на своих ногах.

Мать медленно встала во весь рост. Словно древний колосс на глиняных ногах, она была пугающе неустойчива, покачиваясь от малейшего неловкого движения, но все же чудом удержалась. И начала медленно передвигать ногами по каменистой тропе. Венера изо всех сил поддерживала ее, но сама, словно тонкая тростинка, гнулась и дрожала под чужим большим весом. Марина, мгновенно почувствовав, что свекровь сейчас попросту придавит её дочь к земле, бросилась на помощь Венере. Она крепко перехватила свекровь за второй локоть, и тяжелая нагрузка наконец сравнялась. Венера выдохнула с облегчением:

— Уф... Спасибо, мам. А то я думала, мы обе тут ляжем.

— Не ляжем, — сипло выдавила Нина Сергеевна, ободряюще улыбаясь посиневшими губами. — Раскормил меня в свое время ваш покойный дед... Знал бы он, каково теперь моим косточкам.

Но шутки быстро угасли. Каждый шаг давался Нине Сергеевне с огромным, почти нечеловеческим трудом. Преодолевая ноющую боль и многолетнюю скованность в суставах, она с усилием заносила ногу над неровной каменистой почвой и будто выбрасывала её вперед. На деле же отёкшая ступня с каждым шагом смещалась всего на два-три сантиметра. Камни предательски осыпались под подошвами, а дыхание старухи сбивалось на свистящий хрип.

Так, муравьиными шагами, Нина Сергеевна упрямо шла вперед, пока Сергей отдыхал. Привалившись спиной к шершавому тёплому валуну, он жадно глотал прохладный горный воздух, растирал онемевшие мышцы и настороженно вглядывался в ущелье под ними.

Собравшись с силами, Сергей молча подошел к женщинам, благодарно кивнул супруге и дочери, развернулся спиной к матери и чуть присел. Нина Сергеевна виновато вздохнула и вновь покорно закинула тяжелые руки на его плечи.

Снова шаг за шагом, превозмогая свои последние силы, Сергей нёс мать на спине. Марина с дочерью шли чуть позади. Они несли те немногочисленные пожитки, что решили забрать с собой из брошенной машины: узел со сменной одеждой, сумку с документами да памятную чугунную сковородку, которая тихонько позвякивала в такт шагам, напоминая о брошенном доме и прошлой мирной жизни.

Солнце медленно сползало за скалистые гребни, окрашивая вечернее небо в тревожный медно-сиреневый цвет. Становилось зябко.

— Давайте остановимся в этом доме, — предложил Сергей, когда они наконец добрались до окраины одного из горных сёл. — Похоже, его хозяева, так же, как и мы, покинули его на время. Присядем, переведем дух... Только ненадолго. Иначе они нас нагонят.

Домик стоял на самом отшибе, прижавшись к склону небольшой горы. Деревянные двери его были распахнуты настежь, сквозняк лениво колыхал выцветшую занавеску. Казалось, хозяева покидали его в страшной спешке: калитка болталась на одной петле, а на каменных ступеньках валялся оброненный платок.

Но при этом дом вовсе не был разграблен — следов мародерства нигде не было видно. Всё осталось ровно так, как было при хозяевах. Сергей осторожно перешагнул порог, придерживая мать, и заглянул на кухню: даже столовые приборы и посуда на кухонном столе лежали так, как будто жильцы дома вот-вот собирались сесть за тихую вечернюю трапезу, но вместо этого внезапно пустились в бега.

Сергей помог матери переступить порог и бережно посадил её на добротную деревянную лавку возле чисто выскобленного стола. Сам он буквально рухнул на массивный табурет рядом. Ноги предательски подрагивали, в висках стучала кровь, а лёгкие будто прожигало огнём. Сергей дышал тяжело, со свистом и хрипом, уронив локти на колени и спрятав лицо в грязных ладонях. Рубаха на спине промокла насквозь и липла к лопаткам холодным пластырем, а сведённые судорогой мышцы ныли так, будто их перемалывали жерновами.

Он и в мыслях не мог представить, что сумеет преодолеть такой крутой продолжительный подъём с тяжёлым грузом на плечах. Казалось, смертельная опасность пробудила в нём нечеловеческую силу – силу загнанного зверя, спасающего своё семейство. Но человеческое тело имеет предел – каким бы несокрушимым ни был дух. Сейчас его запас иссяк до последней капли. Сергей сидел абсолютно обессиленный, и перед глазами плавала мутная серая пелена.

Нина Сергеевна сидела подле него, виновато поджав отёкшие ноги. Её усталые глаза цепко скользнули по взмокшему затылку сына, по его поникшим, вздрагивающим плечам. Мать всё поняла без лишних слов. Она отчетливо увидела: всё, ресурс кончился, дальше в гору сын её попросту не донесет — упадёт замертво на первом же каменистом уступе. И тогда, переведя дух, она начала этот непростой разговор.

— А хороший ведь домик, Серёжа, — заговорила она нарочито бодрым, домашним голосом, словно они заглянули на чашку чая к соседям. — Крепкий, ладный. Вполне подходит, чтобы спрятаться и пересидеть здесь денёк-другой. И крыша надёжная, и стены толстые… И построили его на отшибе…

Сергей с огромным трудом оторвал гудящую голову от ладоней, посмотрел на мать воспаленными глазами и сипло выдохнул:

— Ты что такое говоришь, мам? Наоборот! Он же прямо на самой тропе стоит, на открытом месте. Сюда обязательно заглянут они, те, что идут за нами следом. Пошарят по комнатам, проверят погреб. Всё обыщут! Здесь и часа оставаться нельзя!

— А ты уверен, что они идут за нами? — мягко, с наигранным сомнением спросила Нина Сергеевна, заглядывая ему в лицо.

Сергей не стал спорить. Он лишь молча и тяжело кивнул. Он не просто знал — он кожей чуял их хищное дыхание в ущелье за спиной.

— Не знаю… А мне здесь нравится, — упрямо продолжала играть свою роль старуха, напустив на себя беспечный вид. — И на душе спокойно, и спина в тепле отпустила. Честное слово, чувствую себя здесь хорошо.

Она с преувеличенным любопытством озиралась по сторонам, словно осматривая интерьер кухни, примеряясь к нему и всерьёз оценивая возможность остаться тут и немного похозяйничать. Взгляд её скользнул по выбеленной печи, пучкам сушёного чабреца под балкой и глиняным мискам на полке.

— Всю жизнь ведь мечтала именно о такой кухне – просторной, светлой, — с тёплой улыбкой протянула она. — Окно какое большое, на полстены! Я покойного твоего отца сколько лет просила в нашем доме такое сделать. Да разве он кого слушал? Упрямый был, Царство ему небесное. Прямо как ты!

Сергей уже с первых её слов понял, к чему клонит мать, и его сердце наполнялось ледяным ужасом. Он впился в нее отчаянным взглядом, в котором без слов читалось: «Мама, даже не думай об этом!».

— Даже как-то хорошо стало, — тихо продолжала Нина Сергеевна, поглаживая шершавую деревянную столешницу сухой ладонью. — Прямо как дома…

Сергей ожесточённо помотал головой.

— Нет, мама, не надо, — проговорил он почти шёпотом. Крупные слёзы покатились по его грязным, заросшим щекам. — Я тебя здесь не оставлю!

— Оставь, Серёж. Оставь, сынок, — Нина Сергеевна мягко накрыла его пальцы своей слабой рукой. — Разве они тронут старуху? Посмотрят, плюнут да дальше пойдут. Отлежусь здесь, ноги в покое побудут. А потом хозяева придут. Люди добрые, не бросят же на произвол судьбы. Помогут. Обязательно помогут! Наши люди - они ведь такие, они всегда помогают, последней краюхой поделятся.

— Наши-то помогут… — Сергей усмехнулся сквозь слёзы. — Да вот только… Когда вернутся эти наши?

— Вернутся, мальчик мой, — ласково ответила мать. — Обязательно вернутся. А ты иди. Иди, не теряй драгоценное время. Уводи Марину и дочь.

— Нет, мам, — мотал головой Сергей. — Они молодые. Они дойдут сами. А я с тобой останусь.

В дверях кухни стояла Марина. Слушая этот разговор, она думала лишь об одном: «Нет. Не дойдем». Она была уверена: без Сергея они с дочерью сгинут на первом же подъёме, замерзнут ночью или заблудятся среди ущелий. Но сказать это вслух Марина не посмела. Ни за что на свете она не хотела участвовать в этом страшном разговоре. Сергей должен был сам решить. Это должно быть его решение. И только его. Каким бы тяжёлым оно ни было.

— Уходи, Серёж, — повысила голос Нина Сергеевна. В её тоне прорезалась материнская строгость. — Уходи, кому говорю! Тебя они точно не пожалеют, в живых не оставят. И меня вместе с тобой под горячую руку положат. А так, одна… да кому я нужна, инвалид неходячий? Лишний патрон на бабку тратить никто не станет. Оставьте мне еды немного, хлеба да воды, и идите. Идите, пока не нагнали вас эти демоны!

В душе Сергея бушевала буря сомнений. Он стоял перед выбором, какого не пожелаешь ни одному сыну, мужу и отцу. Выбирать между тремя самыми дорогими женщинами, каждую из которых любил без памяти, но совершенно по-разному… Пожертвовать матерью, давшей ему жизнь, или обречь на гибель жену и единственную дочку?

Сергей медленно опустился перед матерью на колени и уткнулся лицом в её подол.

— Я вернусь за тобой, — прошептал Сергей, сжимая её холодные пальцы. — Слышишь? Я отведу их… и сразу назад. Я вернусь. Чего бы мне это ни стоило!

Нина Сергеевна лишь слабо улыбнулась и дрожащей рукой перекрестила его:

— Ступай с Богом, сынок

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.